

Пенуэл Алексея Саломатина (Финна)

Этико-религиозный анализ творчества, произведённый с пристрастием

Самое сложное — это абстрагироваться от всех литературно-философских познаний дабы выдать самую, что ни на есть пристрастную, чисто личностную оценку творчества Алексея Саломатина (в дальнейшем — Финна), не увлекшись при этом разбором отдельных стихов. На что опираемся? Во-первых, на интуицию. Это основное. Всякое литературное произведение, к коему относится данная работа, пишется сообразно индивидуальному личностному восприятию и во всех случаях, что бы там исследователи ни говорили, является сугубо субъективным. Во-вторых, на жизненный, литературный и религиозный опыт. В-третьих, на высказывания самого Финна в рецензиях и по переписке.

Первые шедевры Финн выложил на Стихиру ещё в 2002 году. Сам он в последующих рецензиях неоднократно подчёркивал своё критическое отношение к ранним стихам. Всего же «стихирский» период Финна продлился четыре года, с 2002 по 2007 гг. Поскольку данная работа касается прежде всего мировоззренческой позиции поэта, то обойти вниманием эти ранние произведения не представляется возможным, тем более что они весьма характерны для становления последующего творчества.

Условно данная работа поделена на главы, исходя из идейного содержания стихов.

1. Социальная несправедливость
2. Поколение Масыни
3. Демонизм и сатанизм
4. О смерти
5. Эсхатология
6. Лирика
7. Светлое и доброе
9. Одиночество
10. Богоборчество

О несправедливости

Начальный «финский» период характеризуется острым ощущением социальной несправедливости. Наиболее интересными представляются стихи «Солнце», «Война за окном».

Мы с тобой – просто боги

Уснувшего мира.

Мы идем по дороге

Вдоль грязных сортиров.

В небесах незаметно

Расходятся швы...

Мы с тобой не бессмертны,

Мы просто мертвы!

(Солнце, 2003)

«Война за окном», написанная несколькими годами ранее «Солнца», повествует о необъявленной городской войне, в которой «не берут пленных» и «где каждый готов

продать свою душу тому, кто больше за неё заплатит».

Здесь не живут, а выживают,
Каждый повод найдет, чтоб уйти от ответа,
Здесь только вторые себя спасают,
Используя первых как бронезилеты.

С болью Финн констатирует:

И тот, кто первым ружье опустит,
Того первого и пристрелят.

Резюме, подобное контрольному выстрелу:

Это война, настоящая война,
Которую я каждый день вижу из окна...

Ответов у Финна нет. Но он не желает смириться. Он уже стал на тропу поиска истины и не намерен отступать, даже если придётся отказаться от всех идеалов, усвоенных ещё с детства от Гелиополиса «Незнайки». Тема «развенчанных идеалов» сопровождает весь творческий путь Финна, для неё невозможно выделить отдельную главу, поскольку придётся втиснуть туда буквально всё.

У Финна вообще очень много боли, горечи, равнодушия, какого-то надрыва. Он всегда балансирует «на грани» нервного срыва. Его мало заботит чьё-то мнение (даже справедливое), он до всего пытается докопаться сам:

Вот так... Во всём хотел дойти –

Дошел до ручки.

Не допускал свои «прости!»

К переозвучке.

Не подпускал к своей душе,

Дразня разрезом.

Чертил над стёртыми клише

Значки дизелов.

Вот так. Хотел во всём и сам,

Смешно и гордо.

И, если честно до конца...

А впрочем – к чёрту!

(Неномерной, 2005)

Острая жажда справедливости однажды приведёт его к бунту против Бога, как Создателя этого мира, в котором не прекращается война, совершаются каждодневные преступления, гибнут дети, умирают друзья * Но вызов Финна □ это не вызов Люцифера («Взойду на небо, выше звёзд небесных поставлю престол свой»), это вызов Иакова: «Не отпущу, пока не благословишь!» или Иова: «Не отстану, пока не ответишь мне: за что?» За что я вынужден мучаться на этой земле? Видеть несправедливость, войну, терять близких и друзей? За что?!

Противостояние Финна Богу подробнее рассмотрим ниже, но уже с первых стихов ясно, что тема эта – центральная для всего творчества поэта.

Финн, по сути, является «ничьим»:

А мне-то что? Я – вещь в себе.

Бог не отец, а чёрт – не брат.

Лишь шелест крыльев голубей

Да мой непропитый талант.

(Чуть лучше, 2005)

Он не принадлежит никому, душа его □ всемирная, более того □ неотмирная, метафизическая.

Весьма интересными представляются стихи «Плясовая», где Финн изрекает приговор существующему миру, в котором «от любви священной к ближним рвотный ком подходит к горлу». Такой мир «не стоит и слезинки убиенного ребёнка». Совсем по Достоевскому. И четырёхкратный вывод:

Грош цена такому миру!

Грош цена такому миру!

Грош цена такому миру!

Грош цена такому миру!

Позднее в творчество Финна волеются такие мотивы, как «переписать мир на белом», взорвать (Дискотека 2003, Трамвай, 2005). По мнению поэта «добро» обязательно должно быть «с кулаками», в этом смысле примечательна его песня «Добро» (2005):

А мы себе купим винтовки

И будем творить добро!

У Финна своеобразное чувство патриотизма (Звезда пленительного счастья, 2004):

А я люблю свою страну

И ненавижу свой народ –

Сплошное сборище пьянчуг,

Скрепленных верою в «Авось!».

В «Диалектике» (весьма сильном стихотворении 2006 года) поэт предупреждает:

И те, кому нынче не хватит гитар,

Завтра купят себе кастеты.

Но эта тема уже о современном Финну поколении.

Поколение Масыни

Финн отрицательно относится к иронически-поверхностному взгляду на панк-культуру, он всегда стремится «докопаться до сути», до самых корней, любой идеи, которой увлекается. Если он отдаётся идее, то отдаётся полностью, горячо, без всякого остатка.

Он никогда не тлеет, не чадит, не дымит, но ярко полыхает (и, может быть, от того в нём так сильно предчувствие скорого конца (синдром полыхающей спички)?).

Из «поколенческих» стихов наиболее интересными представляются «Поколение Масыни», «Декаданс-панк», «Дети постмодернизма».

Поколение Масыни,

Поколение страшных снов,

Неназначенных свиданий,

Ненаписанных стихов.

.....

Мы боимся ненавидеть

И стесняемся любить,

В глубине души предвидя,

Сколько нам осталось жить.

.....

Поколение Интернета,

Поколение MTV,

Поколение-без-ответа,

Поколение-не-зиви.

С верой в лучшее вставая,

К ночи нянчим суицид,

Грязным стенам доверяя

Боль надежд, мечты обид.

От описки до ошибки

Крысой пробегает жизнь.

И под маскою улыбки –

Декорации души.

В стихотворении «Декаданс-панк» (2003) внешние атрибуты панк-культуры Финн дополняет следующим сильным текстом:

Грязный порванный фрак,

Красный пламень волос,

Крепко сжатый кулак

И глаза, где нет слез.

Ты всю ночь пил вино

На могиле мечты,

Матерился в окно

И был с небом на «ты».

С болью в душе и анархией в сердце,

Готовый любить и убивать...

Далее следует «мир разрушенных вер» (как мы помним, лейтмотив всего творчества) и перерезанных вен, мир, «где на стенах толчков ты пишешь кровью стихи», и снова боль... Боль без ответа. Финн движется дальше...

«Дети постмодернизма» (2003). Это уже начало бунта, вселенского взрыва, негодование, выраженное в форме яркого протеста, призыва к войне с гнилыми общественными устоями. Если раньше «невидимая городская война» Финна угнетала, то теперь он встаёт в рост и кричит:

Мы дети постмодернизма,

Потомки казненных богов.

В глазах наших черные призмы,

И небо стекает с штыков.

Мы пепел костров революций,

Мы стебли засохших цветов.

Мы брызги бесплодных поллюций

По-детски наивных стихов.

Наше имя – скандал!

Наше имя – чума!

Наше имя – запал!

Наше имя – война!

.....

Мы те, кто останется после конца,

Чтоб мрак пустоты разрушить.

Откройте нам ваши сердца,

И мы сожрем ваши души!

Наше имя – война!

От демонизма к сатанизму

Социальный протест плавно проводит Финна от панк-культуры и призыва к бунту против общества к декадансу, демонизму и сатанизму, «благо» с идеями ЛаВэя и Кроули Финн познакомился ещё в школьные годы. Со свойственной ему импульсивностью Финн пишет ряд талантливейших стихов, воспевающих сатанистские идеи (Отчим наш, Наш бог, Пентаграмма).

Но в ранний период творчества (2003) отметим «демоническое» стихотворение «Птеродактиль», в котором доисторическая пташка внезапно появляется в небе (видно, не обошлось без метафизики!), пугая своим видом людей. Но и конечно, «романтизация» демоноподобного чудовища:

Цену страшную он заплатил:

За возможность парить над землей

Бог уродством его наделил,

И навек он отвергнут толпой.

Он парит лишь в ночной темноте,

Сохранит его лик лишь вода...

И навек осмеют его те,

Кто не сможет взлететь никогда.

Сам поэт утверждает, что «Птеродактиль» является аллюзией на бодлеровского «Альбатроса», и пишет: «У Бодлера, если помните, поэт, не созданный для хождения по земле, прекрасен во время полета, творческого акта, а у меня □ поэт и во время творческого акта может быть отвратителен и внушать страх».

Но как бы ты там ни было, от очарования демонизмом Финн очень скоро переходит к сатанизму (в скобках заметим, что поэт прогрессирует идеологически с невероятной быстротой!), и наиболее характерными явились стихи «Р ай» и «Ад». «Р ай» у Финна предстаёт сборищем «покаянных лицемеров»:

Лишь покайся да раскайся –

И опять

Воровать и издеваться,

Убивать.

Ты прощен, и грех отпущен –

Что ж еще?

Как злодеям в райских куцах

Хорошо!

И с улыбкой там гуляет

Злобный гад...

О, спаси меня от рая!

Лучше ад!

Ад же, напротив, видится поэту пристанищем всем тем, «кто верил в силу воли, о вере в бога не трубя, для тех, кто не боялся боли и полагался на себя». Финн превозносит в этих стихах муки ада над сомнительными преимуществами «райских кущ», в которых, по мнению поэта, пребывают лишь трусы да лицемеры, вовремя успевшие раскаяться, дабы спасти свои душонки, и которым наплевать на страдания мира. Финн выбирает для себя лучше страдать с остальными «отверженными» Богом людьми, нежели прозябать в раю со «спасшимися Иудами»:

Плоть разорвут ножи кривые,
И в рот вольют тебе металл
За то, что не господне имя
Ты перед смертью повторял.
На дыбе выломают руки...
Но все же лучше муки тут,
Чем подыхать в раю от скуки
Среди пречищенных Иуд.

Наибольшее влияние на «демонический» период Финна (2004-5гг.) оказала оккультная группа Кооператив Ништяк (КН), особенно это отразилось в песенном творчестве поэта (музыкальный коллектив «Финнляндия»). Но КН — всего лишь этап в жизни поэта, рамки сатанизма (равно как фашизма с оккультизмом) слишком тесны для его таланта — он снова шагает дальше! И вновь поклонники Финна замирают в разочаровании: каждый желает налепить на него какие-нибудь ярлыки, но он с лёгкостью отбрасывает их...

Лермонтову исполнилось 26, когда его не стало. Финну 24. В его творчестве также полно демонизма (не сатанизма, а именно демонизма — см. мою статью «Человек сатанический» по Ивану Ильину, там указана эта разница между демонизмом и сатанизмом). У Финна, так же как у Михаила Юрьевича, проскальзывают нотки предчувствия скорой смерти (стихи приводятся полностью):

Я умру молодым, я знаю.
И, наверное, даже с утра.
И дворняги проводят лаем
Грязно-красный гроб со двора.
И на третий день не воскресну
Веру новую провозгласить.
Я умру молодым... Если честно,
Это лучше, чем вечно жить.
Только так, и никак иначе!
Я не вечен, ведь я не Рим.
Дайте жизни на все, без сдачи!
Я хочу умереть живым!
Пока плотью покрыты кости,
Пока хочется есть и пить.
Если все мы на свете гости,
Надо вовремя уходить,
А не ждать, чтоб хозяин со вздохом
В третий раз на часы посмотрел.

Лишь тогда люди скажут: «Леха!
Ты бы с нами еще посидел!»
Я умру молодым, я знаю.
Ясным летне-весенним днем,
Когда первые листья мая
Всполыхнут изумрудным огнем.
И над свежей моей могилой
Будет воздух прозрачен и тих...
Ты прости меня, друг мой милый,
Что-то грустный случился стих.
(Я умру, 2003)

Но, верится, □ Финн сможет преодолеть возможный рок и проклятие, он вырвется на новый уровень творчества. Какой? Пока это неизвестно никому. Несомненно, что новый поэтический виток будет грандиозен, у Финна есть для этого всё: талант, образование, целеустремлённость, бескомпромиссность, жажда познать истину и * вера! Да-да именно вера, нелицемерная, бесприкрасная, голая, как первозданный Адам, и абсолютно нелицеприятная.

«Ну а вера, она как белый стих –
Хоть поётся, да не рифмуется».
Напишет он в 2005 году (Никакой любви).

В завершение темы сатанизма в раннем творчестве Финна □ стихотворение «Отступники», в котором поэт уже от некоего «мы» выносит приговор обществу «вы»:

Мы то произносили вслух,
О чем вы думать не рискнете.
А вы свой очищали дух,
Но что такое дух без плоти?
Вы соблюдали все посты –
Мы уплетали макароны.
Вы мазали слюной кресты,
А мы плевали на иконы.

.....
Что толку жить в таком бреду?
Когда наступит час расплаты,
Нам всем гореть в одном аду,
Примерные дегенераты!
2003

Далее это «мы» не раз ещё прозвучит в оккультных и профашистских стихах Финна, которые выглядят едва ли не гимнами соответствующих идеологий. Как уже говорилось выше, поэта везде приветствуют, как «своего», пытаются завербовать в различные политические и религиозные кружки, но он неизменно «мальчик сам по себе»:

И за гранью дежурного свиста
На просторах усталой страны
Пусть читают меня сатанисты
И цитируют в барах кожи.

(Я не стану народным поэтом, 2006)

Время от времени Финн перерастает своих почитателей, теряет львиную долю поклонников, но это его не смущает. Ведь главное для него — найти ответы на собственные сокровенные вопросы. У него нет сторонников (они ему не нужны), нет единомышленников. По сути, он абсолютно одинок, хотя и пытается найти отклик в окружающих его людях, но не находит.

Я не стану народным поэтом,
От народа я страшно далёк.
Я запомнюсь, как автор, при этом
Не стихов даже – вычурных строк.
Я не свойский пацан по соседству,
С кем пошёл бы ты пить в гаражи.
Я – король мира вечного детства,
Где игра стоит больше, чем жизнь.

2006

О смерти

Бывая на поэтических вечерах, заметила, что в последнее время тема смерти (крови, трупов, тления) прочно обосновалась среди молодых поэтов. Но я далека от того, чтобы брюзжать на это дело. Дань моде, нью-декаданс. В конце концов, умные поэты «забавляются» с этой дамой по имени Смерть. Они с ней слегка кокетничают, заигрывают. Здесь имеет место своеобразная «эстетика смерти», пришедшая на смену воспеванию «красоты жизни» и несущая, вопреки здоровью, «интересную чахлость», бледность, увядание, «своеобразную (ну, очень!) красу разложения».

В духе романтизации смерти Финнское стихотворение «Белый танец»:

Зал укутан в бархат мрака,
И рыдают свечи, плавясь.
Джентльмены в черных фраках
Ожидают белый танец.
Бриллиантами сверкая,
Смерть заходит в белом платье
И банкира приглашает.
Разве можно отказать ей?
Все быстрее и быстрее
Кружит пара в белом танце.
Пальцы тонкие на шее,
Губы лезут целоваться.
Закружила, завертела...
Вдруг за грудь банкир схватился,
Вмиг мертвенно побледнел он
И без чувств на пол свалился.
Громче музыка играет.
Молча курят кавалеры.
Ну а смерть уж приглашает
Молодого офицера...

(2003)

Тема смерти (готики) не захватывает поэта настолько, чтобы полностью ей предаться: Финн слишком реалист, чтобы всерьёз описывать разлагающиеся трупы, выискивая извращённую красоту, всего лишь несколько стихов он уделяет этой теме (наиболее характерный – «Мёртвая русалка», 2004) и быстро остывает.

Гораздо больше поэта занимала ранее тема несправедливости смерти, но, выкричавшись (Случайный случай, 2003), он как будто делает вывод: раз смерть неизбежное зло, то нужно показать, что я не боюсь её! И Финн приглашает смерть в свои фантазии.

Заметим, что смерть весьма коварна, и заигрывать с ней вовсе не так безобидно, как может казаться, и вскоре у Финна появляются реально-суицидальные переживания и фантазии на тему собственной смерти (Voyage, 2005).

Танатофилия

...а если попроще – то это

Всего лишь обычная осень,

Закон преломления света

В глазах тех, кому удалось ей

Сквозь ночь дозвониться в квартиру,

Игриво представившись летом...

А тот, кто покоится с миром,

Тот вовсе и не был поэтом.

Тот просто ходил на работу

И верил, что даже талантлив,

Откладывал где-то на что-то,

По дню, по копейке, по капле.

Писал бестолковые вирши,

Читал их друзьям и коллегам.

Уж он-то, конечно, не слышал

Печального шепота снега,

Который бывает лишь первым...

Качаются шторы седые.

Играет с клубком моих нервов

Котенок танатофилии.

Пульсируют черные дыры,

Под ношами стонут планеты...

А тот, кто покоится с миром,

Тот вовсе и не был поэтом.

(2005)

Эти стихи, положенные Финном на музыку, на мой взгляд, входят в двадцатку лучших, если таковая имеется. Образ котёнка □ символ чего-то запредельно-мистического связанного с потусторонним миром, недоступным для человека. Поэтому фантазии на тему смерти, явившиеся поэту именно в виде котёнка, представляются весьма любопытными. Сразу вспоминается «Не трогай в темноте...» Сологуба (1905):

Не трогай в темноте

Того, что незнакомо —
Быть может, это — те,
Кому привольно дома.
Кто с ними был хоть раз,
Тот их не станет трогать.
Сверкнёт зелёный глаз,
Царапнет быстрый коготь, —
Прикинется котом
Испуганная нежить.

А что она потом
Затеет? Мучить? Нежить?

Как я ни старалась воздерживаться от разбора стихов и сравнения Финна с другими поэтами – не смогла! Прошу читателя простить эту слабость.

Понимаю, что тема символизма (декаданса) — не тема данной статьи, но именно декадентство позволяет посредством словесных форм касаться «непознаваемого», потустороннего, вызывая определённые ассоциации и затрагивая глубинные струны человеческого существа. Поэзия здесь предстаёт не как набор складно рифмованных мыслечувств человека, но как откровение посредством интуиции, соприкосновение с «тайной вселенского бытия». Поэзия, как молитва (заклинание).

Не всякий поэт — пророк, но всякий пророк — поэт, чему свидетельство — Библия, в даже Валаам, когда волхвовал или обращался к Богу, говорил истинно поэтическим языком (личность Валаама не рассматриваем, только «поэтический дар»).

И, думаю, не ошибусь, если скажу, что истинный поэт нашего времени — это поэт «запредельный», посредством которого на земле будет звучать голос Божий. Меня всегда изумлял «Пророк» Пушкина. Вероятно, каждый поэт такого уровня непременно должен пережить нечто подобное, когда Бог вынет из груди его сердце, вырвет язык, коснётся ушей, воззовет...

По-другому гениями не становятся.

Эсхатология

Тесно переплетается с темой смерти острое предчувствие конца мира. Финн постоянно указывает на то, что этот несправедливый мир обречён — он не имеет права быть далее! Складывается ощущение, что поэт лихорадочно высматривает силы, способные этот мир разрушить и очистить, чтобы проложить дорогу новому — лучшему миру, лишённому ханжеского лицемерия, в коем он обвиняет христианство. Ответы Финн ищет у Ницше, Гитлера (образ которого не раз использовал в творчестве: «Шикльгрубер», «Фюрер», «Детская плясовая», «Солнечный хохот»), Муссолини, у основателей сатанизма.

Всё дело в том, что Финн НЕ ЗАИГРЫВАЕТ с ницшеанством, фашизмом, национализмом, он впитывает их идеи и пропускает сквозь призму души, как будто примеривая: подходят они ему или нет? Если оказывается, что «нет» - тут же без сожаления отбрасывает! Безусловно, талант Финна привлекает многих, но его самого не привлекает никто. Нет пока в мире такой идеи, которой он бы отдал своё сердце, по-прежнему пребывая в поиске. Примеры эсхатологической поэзии Финна — «Мир обречён», «Pos festum», «Diablus ex machine», «Кузнец»(2004). Наиболее интересным представляется «О топоре» (2006), приведём его полностью:

Топор войны зарыт под дубом.
А дуб, как водится, зеленый.
Весь в шрамах, ласковых и грубых –
От хулиганов и влюбленных.
Дожди поят сухую землю,
Мерцает брэнное светило,
Топор войны устало дремлет
Не тем холодным сном могилы.
А жизнь несется все проворней.
Шумит камыш, горят деревни.
Топор войны пускает корни,
Взрыхляя стеблем кашель щебня.
Топор еще заварит кашу,
Заколосившись в полдень пресный.
Проста мораль у басни нашей.
Ведь что посеешь, как известно...

Любовная лирика

Как и во всём, в этой области человеческих отношений Финн готов дойти «до ручки», он максималист: или всё или ничего. Это пугает прекрасную половину человечества: он не дамский угодник, не психолог. Идеалист – да! И Финская вычурность, манерность, изысканность и циничность, ПО ИДЕЕ должна привлекать прекрасный пол, на деле вскоре его отталкивает. Финн не играет! Он действительно является тем, кем предстаёт в творчестве: вспыльчивым, нервным, весьма импульсивным и крайне неуживчивым в личном общении. Он заводится с пол-оборота, дерзит, язвит, выводит из себя, хамит – словом, делает всё возможное, дабы истязать собеседника(цу), доводит до истерик, но и сам при этом сильно страдает! (Не врите мне! 2003) Он не стесняется в выражениях, бывая крайне резок, в том числе и в отношении себя самого.

Часто стихи его похожи на заклинания:

Вчера – счастливый юнец,
Безумных игр герой,
Сегодня – бледный мертвец
Макает в вену перо.
Вонзая в сердце ножи
Собакам брошенных лет,
Он на остатках души
Выводит страшный сонет.
И только запах духов
Теперь напомнит о ней.
И в ожидании снов
Я натяну цепи дней.
Ну а пока – наяву
Сентиментальность и бред.
В моей душе, как в хлеву,
Лишь пошлость прошлых побед,

Лишь непонятная боль,
А от меня – ни черта,
Лишь чья-то странная роль...
И пустота...

(Пустота, 2003)

Вот тебе мое сердце – выбирай самый сочный кусок!
Вот тебе моя кровь – пускай, словно пиво, по кругу!
Из-за этого чувства поэты стреляли в висок,
Из-за этого чувства гусары стреляли друг в друга.
Обострение весенней болезни...

За зиму душа покрылась плесенью,
А весной так легко пишутся песни,
И резко возрастает спрос на лезвия!

(Весеннее обострение, 2003)

Из этого же стиха он выводит: «О любви – или скромно молчать, или кровью на стенах!»
Несмотря на то, что Финну свойственны сильные и глубокие чувства, ему присущ и некий нарциссизм. Поэт упивается своими страданиями, и ему даже не приходит в голову, что его возлюбленная может думать или чувствовать иначе. Финн поглощён собственной личностью. Он сам своя вселенная. Или его надо принимать, как он есть, или... никак!

Создаётся ощущение «недостижимого идеала». Либо Финн боготворит в своих фантазиях неведомую «принцессу», либо предаётся «грязной страсти». Это заблуждение, впрочем, свойственно многим мужчинам, потому что ни принцесс, ни их «грязных» противоположностей не бывает, а есть просто девушки, женщины. Для каждого Адама своя Ева. И есть принцип жертвенности ради другого человека, который, похоже, Финну ещё предстоит постигнуть.

Из последних лирических стихов Финна особенный интерес вызывает загадочный «С8Н11N». По словам автора, название стихотворения – формула фермента вырабатываемого мозгом в ответ на определённый внешний раздражитель, и вызывающего состояние влюблённости. Эдакая «химическая формула любви»!

Но как бы там ни было, стихи эти превосходят раннюю лирику и достойны, чтобы привести их полностью, несмотря на значительные размеры:

Вообще-то о любви вслух – это моветон,
Все равно что рифмовать глаголы в приличном обществе.

Но если вы так настаиваете, то:

Без царя в голове,
Без пророка в отечестве,
Без отца в отчестве.

Список, в принципе, можно еще продолжать,
Но суть, думаю, и так изложена ясно.

К тому же удалось обойтись без слова «пожар»,
Так любимого графоманами и ученицами старших классов.

А по мне так – знаете, как иногда, не рассчитав сил,
Опьянеешь внезапно, сам того не поняв,

И начинаешь юродствовать и чушь прекрасную голосить,
Уверяя: «Я трезв!» - и хватая гостей за рукав.

...а свет луны отрешен, как профессиональная критика.

Воздух в легкие - телефон со стены -

семь простых цифр - в трубочку подышите-ка!

Э, батенька, да Вы влюблены!

Наконец-то дошло! В глазах двоятся стандарты,

Ходишь себе кругами непонимания,

И простреленные желтым многоквартирные перфокарты

Раскачиваются в такт твоему дыханию.

А еще эти улицы с лицами общих знакомых.

И камень на сердце, который, к тому же, подводный.

Но вместе с тем - это чувство приобщения к чему-то такому,

К какой-то тайне вселенской, если угодно.

Вот и молчишь иронично и ревниво не подаешь виду,

Что знаешь вещь посильнее, чем индийские веды.

А каждый взгляд - как взмах кисти. И даже либидо -

В некотором роде Альбеде.

И вся жизнь - как сон - из тех, в которых ты голый,

Но не как король, а скорей, как Адам.

И все решительней твой решающий голос,

Который теперь зовут Логос. Да!

Выдох - и рокот Вселенной становится звонче на мир...

Где-то так.

Нет, ну можно подробнее, просто

Стихи о любви должны быть слегка незаконченными.

Я не утверждаю, но это мое понимание вопроса.

Светлое и доброе

Дабы у читателя не сложилось впечатление о Финне, как о личности сугубо мрачной и размышляющей исключительно о проблемах современного общества, придётся затронуть и чисто душевную, я бы сказала СОЗЕРЦАТЕЛЬНУЮ, грань его поэтического мастерства. Итак, осень и дождь, излюбленные Финские темы.

Опадали листья влажные,

Укрывали небо чайное.

Что-то самое неважное,

Мимолетное, случайное...

Рвались яблоки надрывные

Ярко-красными занозами.

Что-то глупое, наивное,

До хорея несерьезное.

Кружит изморось дебелая

Под мотивы заграничные.

Преходящее, несмелое,

До никчемного обычное.

Солнца сыр, безвкусно-плавленный.

Ржавый лес, отмытый дорыжа.

Костенеет мир, оправленный

В пьяную улыбку сторожа.

Настоялась осень травная

В киловольтный гул над дачами...

Что-то самое неглавное,

Мимолетное –

Утрачено.

(2006)

Оставляю этот стих без комментариев ☐ на усмотрение читателя, равно как следующий – «Синдром похмельного дождя» (просто красиво):

Под вечер возвращаясь из пивной,

Попутно обнимаясь с фонарями,

Усталый дождь бредет к себе домой,

Лишь ноги заплетаются ручьями.

Небрит, взлохмачен, до костей промок,

Как Лир печален, мрачен, как Отелло.

Жена опять не пустит на порог

И пригрозит разводом и разделом.

Опять не спать, опять всю ночь шуметь,

Пиная банки на железных крышах.

Ему б греметь, да пропил грома медь,

Ему б сверкать, да пропил искры вспышек...

И до утра, бродя вдоль мутных рек,

Дождь будет бредить белыми стихами

И видеть сны, что он – блестящий снег,

Кружащийся над стройными горами.

(2004)

Обречён одиночеству

Одиночество ☐ «ад» поэта. Финн противоречив. С одной стороны он как будто принадлежит всем, душа его вывернута наизнанку, но с другой ☐ он не пускает в свой внутренний мир никого. Он ревниво стережёт его. Это общее ощущение, выведенное из творчества поэта. Финн предстаёт взрослым ребёнком.

Воспользуюсь христианской терминологией. Дух его не имеет возраста (я бы сказала превосходный дух), а душа ☐ душа подростка, вечно детская, вспыльчивая, неспособная приспособиться к обстоятельствам, фальши, лицемерию. От рождения Финн щедро одарён: помимо поэтического дара, дар музыкальный, отличная учёба в школе, университете. Но вместе с тем, чем старше он становится, тем глубже разворачивается пропасть между ним и остальным человечеством (отсюда тема «взросления», уходящего детства).

Мы становились старше,

Не становясь взрослее.

(Старше, 2005)

Стоят часы. Безвременье. Без сил.

Но на безрыбье эры Водолея

И рок – как путь к себе, и сень – как синь.

Кружится небо на осях осин.

Я умер. Или просто стал взрослее.

(С бессонницей лицом к лицу..., 2006)

Возможно, у него есть небольшой круг друзей, которым он склонен доверять, но, повторяю, никого Финн не подпустит к себе достаточно близко, так чтобы «лицом к лицу». Одиночество его бог. В этом его трагедия. И никем меньше, чем Бог, Финн не удовлетворится.

Любопытно ранее «пророческое» стихотворение «Облако», 2002 (приводится полностью):

Я бы мог прозрачным облаком

Плыть к далеким берегам,

Или черным рваным войлоком

Лить дождем по городам.

Я бы ветром мог натягивать

Паруса усталых шхун,

Или шляпы наземь сваливать,

Вечно пьян и вечно юн.

Мог бы семицветно-радостным

Перекинуться мостом,

Только, видно, мне предсказано

Стать оторванным листом.

Раньше срока бурей сорванный,

Но пока еще живой,

Задыхаюсь молча, втоптаный

В грязь подкованной ногой...

Пенуэл

И, наконец, основная тема в творчестве Финна – богоборчество.

Вначале рассмотрим ранний «антихристианский трактат» Финна «Разговор со священником», в котором он выплеснул свои претензии к Богу. В трактате рассказывается о человеке, застигнутом в пути грозой, который обрёл ночлег в церкви.

Старик-священник приказывает путнику молиться, на что тот возражает:

«Что толку биться лбом об пол,

Прошение твердя?

Не проще ль, защитясь зонтом,

Укрыться от дождя?»

Священник сердится:

«Как смеешь так ты говорить?

Замолкни сей же час!

Лишь бог решает, что творить –

На все его указ!»

Финн (а это, несомненно, он) вопрошает:

«Старик, могу тебя понять,
Но как, скажи, ты смог,
Обычный смертный, вдруг узнать,
Чего желает бог?»

Вместо ответа на прямой вопрос священник называет Финна еретиком, велит ему бездумно (то есть «смиренно») верить и немедленно покаяться. Тот в недоумении:

«Как можно научить любви,
Сжимая меч в руках?
Коль церкви строят на крови,
То вера – это страх!»

Священник впадает в негодование:

«Как смеешь ты, земная вошь,
О вере рассуждать?
Коль ты родился и живешь,
То будь готов страдать!
Ты видишь солнце и цветы,
Ты можешь есть и пить –
Свою вину пред богом ты
Обязан искупить!»

В ответ Финн тоже отбрасывает вежливость и переходит к обвинению:

«Прости, но в чем я виноват?
Что богу сделал я?
За что я буду свергнут в ад?..
Иль в том вина моя,
Что из любви я не хотел
Жить, голову склонив,
И лицемерить не умел
Продажностью молитв...»

Далее Финн задаёт очень важный для себя вопрос: кто Богу важнее «рабы, лежащие у ног» или человеческое общество?

Ответ священника потрясает представлением автора сего стиха о соотношении свободы и веры, на его взгляд – это диаметрально противоположные понятия:

«Там, где свободе место есть,
Там места вере нет!
И в этом, в общем-то, и весь
На твой вопрос ответ.

.....
Тот будет счастлив, кто живет
Не поднимая глаз,
Кто в церковь ходит круглый год
И молится за нас!»

Такой ответ вызывает в Финне шквал обвинений:

«Могу продолжить я и сам:
Спасет твой бог любых,

Кто платит в церкви деньги вам
На благо всех святых,
А кто построит вам собор
На выручку свою,
Получит – что за разговор?–
Тот ПМЖ в раю!
Рай продается с молотка,
Он как курорт открыт –
Ведь индульгенции пока
Еще не дефицит».

Финн обвиняет существующую церковь в продажности.

«Коль церковь – это божий дом,
То Богу, мне сдалось,
Не очень-то уютно в нем,
Ведь здесь ему пришлось
Собой украсить скотный двор,
Где змей клубок кишит,
Где каждый аргументом в спор
Воткнуть его спешит,
Где бабки именем его
Пугают малышей,
Где чувствуется дым костров,
И слышен звон мечей,
Где пред иконами стада
Озлобленных старух,
Где над смирением всегда
Витает злобы дух,
Где от его лица вершат
Свои дела жрецы,
Где рай и счастье всем сулят
За деньги подлецы,
Где зло, одетое добром,
Ведет корабль на мель...
Прости, но этот божий дом
Был превращен в бордель!
И не тебе решать, старик,
Кто грешен, а кто чист!
Ты говоришь – я еретик,
Отступник, атеист?
Старик, послушай мой ответ,
Запомни ты его:
Я говорю, что Бога нет,
Лишь там, где нет его!»

Далее следует потрясающее признание Финна, которое свидетельствует о его вере

(настоящей вере!) лучше всего:

«Роптать на Бога смысла нет,

Он был всегда со мной:

Я дважды мог бы умереть,

Но видишь – я живой!

Мне Бог в ночи светил звездой,

Сквозь мрак и холод вел...

Вот только в церкви ни в одной

Я Бога не нашел!»

И такая же потрясающая откровенность священника совершенно в духе Великого Инквизитора:

«Ну что ж, раз так – тебе решать,

Как дальше будешь жить,

Но мне изволь ты не мешать

Мои дела вершить!

Да, от сумы и от тюрьмы...

Но ты изволь понять:

Христа такого нет, чтоб мы

И не смогли распять!

А коль найдутся иногда

Какие храбрецы –

У нас в запасе есть всегда

Каленые щипцы...»

Отношение Финна к Богу – это отношение Иова. Финн поражён проказой современного общества, несёт на себе его язвы и кричит к Богу: «Выйди на суд со мной!». Его клеймят так называемые праведники, современные фарисеи, – друзья Иова, утверждая: «Ты не знаешь, Бога! Он справедлив, Ему надо молиться, ты НЕ ИМЕЕШЬ ПРАВА напрямую обращаться к Богу, не можешь бросать Ему упрёки! Ты – червь смердящий, безбожник, богохульник, сатанист *□□ Но в Финне не угадывается сатанинская стихия разрушительная, лютая, человеконенавистническая, – в Финне – надрывный вопль Богу: «Выйди, посмотри, что делается! Как можешь Ты всё это выносить?! Выйди!.. или * Тебя нет!»

А раз «Бога нет», то можно всё!

Ещё одно стихотворение из раннего – «Пьяный ангел». По сюжету ангел, на небесах осуждавший земную жизнь людей, отпрашивается на землю, дабы понять, отчего те попадают в ад. Увидев смрадную, беспросветную жизнь людей, ангел их пожалел:

«Послушай меня, мой Владыка Всевышний!

Я был так неправ и жесток,

Когда собирался на мерзких людишек

Направить кипящий поток!

Легко осуждать, наблюдая из рая

За их презабавной возней.

Но только теперь я, увы, понимаю,

Что значит страданье и боль,

Что значит просить на коленях пощады

И блага у досок немых,

И быть до безумства запуганным адом

Рассказами грешных святых,

Что значит, удары судьбы принимая,

Бороться, идти, выживать...

Легко умирать, если знать, умирая,

Что вскоре воскреснешь опять!

День прожит – ты жив, значит, все же неплохо,

Еще покоптишь небеса.

Когда же им в церковь ходить, чтоб со вздохом

Молитвы твердить словеса?

Они перед сном, очень тихо, как мыши,

«Спасибо» твердят по слогам.

Неужто ты только священников слышишь

И веришь церковным дарам?

Прости им, Господь, их загульную пьянку

(Отдушина все же нужна)!

Это не ангел – сам Финн – просит Бога за падшее человечество!

Нам с неба видна лишь цветная изнанка,

А жизнь их сера и бледна...»

Но Бог, в представлении Финна так же жесток, как и священник из вышеупомянутого трактата. Он не отвечает ангелу, не принимает его прошения за людей, но выписывает тому направление «В АД!».

Иногда нам кажется, что Богу угодны ласковые, тихие, «безобидные» люди, в рясах, мантиях или пиджаках, открытые, улыбающиеся – как будто сходящие с какого-то религиозного общего конвейера. На вершине конвейера – Господь, выпускающий эдаких роботизированных попов-проповедников-механизмов для провозглашения воли Божьей.

Они наперёд знают, что Богу угодно, а что нет. У них на все случаи жизни есть ответы и толстая книга – Библия, дополненная (если не замененная) преданиями Отцов Церкви, Елены Уайт, Рассела, Джозефа Смита, Кеннета Хейгина (или Коупленда), Йонги Чо * и многими-многими другими... Где Бог?

Финн не довольствуется какими-либо существующими ответами, а отправляется на поиски Бога лично. Он дерзко бросает Ему вызов. Он борется с Ним, подобно ребёнку, колотящему по колену отца: «Ответь мне, ответь мне, ответь!»

«И боролся Некто с ним до появления зари». Но даже когда Некто повредил Иакову мышцу, тот не отстал от Него.

«Не отпущу, пока не благословишь меня!» Этот вопль Иакова простирается до наших дней. Не отпущу, пока не получу ответа! Ответ Бога – это тоже благословение, потому что невозможно жить, не зная зачем и почему ты родился в этом проклятом месте и в это время? Экзистенциальная тошнота. Дасман. А ранее декаданс. Демонизм, сатанизм...

Где же ответ, Господи?

«Жаль никогда нам рукой

Всё ж не достать до небес!» (Пустота, 2003)

«Но я не лезу вон из кожи,
Чтоб прикоснуться к небесам!» (Не врите мне! 2003)
«Господь Всевышний дай нам силы,
Чтоб одолеть Тебя смогли!» (Дрожит свечи... 2004)
«Уж близится понемногу
Заря трудового дня.
Я больше не верю в Бога,
Бог больше не верит в меня» (Ночная прогулка, 2004)
«Оглянулись - а нету бога-то!
Лишь та честь, что хранили смолоду» (Никакой любви, 2005)
«Мы с тобою всего лишь дети,
Заигравшиеся на трассе,
Нам плевать, есть ли Бог на свете,
Нам важней, есть ли жизнь на Марсе» (Девственность, 2006)
«А бог - это лишь то, что скажет пророк
Во время всеобщего молчания» (Диалектика, 2006)
«Дождь, простой, как фраза «бога нет»
Стал не злей, а просто откровенней». (Витрина, 2007)
«Но если бога больше нет внутри,
Уже неважно, есть ли он снаружи». («С бессонницей...» 2007)
Очень часто мы льстим Богу, возвышая Его словами, тогда как в себе думаем иначе. Мы стараемся представить Бога сообразно нашим мыслям о Нём, подобно друзьям Иова. И при этом считаем, что мысли наши угодны Богу: ещё бы, ведь мы Его оправдываем! Но Бог не нуждается в нашей защите - Он Бог.
Он Сам может за Себя постоять, и когда Он является в ответ на человеческий вызов

*Светлана Капинос
March 11, 2010*

Источник: <http://www.poems4christ.com/ru/article/4602>

© Copyright 2024, Поэзия для Христа - www.poems4christ.com